

§4 ВНУТРЕННИЙ КОНТУР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С. —

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЫНКА ТРУДА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

***Аннотация.** Целью статьи является анализ миграционных процессов в приграничных регионах России, а также их влияния на социальную безопасность рынка труда. Основана на комплексном подходе к исследованию проблемы безопасности рынка труда, который подразумевает обязательное изучение миграционной активности населения и ее влияния на экономику и социальную сферу данного конкретного региона, особенностей отношения коренного населения к трудовым мигрантам, а также возможных путей решения проблем, вызванных миграционными процессами. В статье представлены результаты социологического исследования, предполагающего в том числе субъективную оценку населением масштабов миграционных процессов на территории четырех приграничных регионов Российской Федерации, численности мигрантов на данных территориях вселения. Отражены результаты анализа данных экспертного опроса, предполагающего оценку влияния миграционных процессов на состояние разных сфер жизнедеятельности региональных приграничных социумов. Отдельный акцент сделан на оценке влияния миграций на безопасность региональных рынков труда.*

***Ключевые слова:** миграция, приграничный регион, экспертная оценка, миграционные процессы, безопасность рынка труда, социальная безопасность, рынок труда, миграционная активность, региональный социум, миграционная мобильность.*

Современные глобализационные процессы превратили трудовую миграцию населения в обыденное явление. Политика развитых стран по использованию иностранной рабочей силы базируется на необходимости преодоления проблем депопуляции и старения коренного населения и повышения эффективности экономики за счет привлечения дополнительной рабочей силы.

Рост потребности в трудовых ресурсах наблюдается и в современной России, трудоспособное население которой, по мнению аналитиков, к 2025 году сократится более чем на 10 миллионов человек (при этом на 1000 лиц трудоспособного возраста будет приходиться 764 человека нетрудоспособного возраста по низкому варианту прогноза и 859 — по высокому), что не может

не отразиться негативно на темпах роста экономики¹.

Кроме того, проблемы низкой рождаемости и высокой смертности усугубляются массовой миграцией за рубеж высококвалифицированных специалистов и процессами межрегиональной миграции, буквально «обескровливающими» одни территории страны и обуславливающими переизбыток рабочей силы и демпинг труда в других.

Эмиграция специалистов фактически означает для государства и общества значительный геополитический (страдает имидж страны) и финансовый ущерб (затраты на обучение и не полученные в будущем результаты труда), приводит к замедлению темпов роста наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономики. Неэффективная экономика, в свою очередь, не позволяет государству в полной мере реализовывать необходимый объем социальных гарантий.

Таким образом, комплексный подход к исследованию проблемы безопасности рынка труда подразумевает обязательное изучение миграционной активности населения и ее влияния на экономику и социальную сферу данного конкретного региона, особенностей отношения коренного населения к трудовым мигрантам, а также возможных путей решения проблем, вызванных миграционными процессами².

¹ Оганесян А. Глава ФМС: без мигрантов трудоспособное население России сократится на 10 миллионов // URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/03/22/focus/562949983324821> (дата обращения 06.10.2013); Коэффициент прогнозируемой демографической нагрузки (данные Федеральной службы статистики) // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn4.htm (дата обращения 06.10.2013).

² Исследование поддержано грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-6494.2012.6 «Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: миграционная мобильность и незаконные трудовые практики» (2012–2013).

Отношение местного населения к приезжим является важнейшим показателем того, в какой мере трудовая миграция позволяет решать проблему демографической безопасности исследуемой территории. Это отношение, безусловно, определяется тем, насколько, по мнению местных жителей, соблюден баланс интересов «коренных» и «приезжих». Важную роль при этом играет «количественная» оценка масштабов миграции: чем больше число мигрантов, особенно — отличающихся от коренных жителей по своим этно-национальным признакам, культуре, религии, тем менее защищенным в правовом и экономическом отношении чувствует себя коренное население. Большое значение при этом имеет именно субъективная оценка ситуации, зависящая от личного опыта и установок субъекта. Характер этой оценки может служить, во-первых, индикатором отношения к мигрантам и, во-вторых, показателем того, в какой мере коренные жители ощущают себя в безопасности в экономической, трудовой, социальной сферах в условиях миграционного притока.

С целью выявления данной субъективной оценки количества мигрантов в локальном социуме участникам опроса³ предлагалось дать ответ на следующий вопрос: «Как Вы считаете, много ли в Вашей местности мигрантов (приезжих) из других стран и регионов?».

Во всех регионах — участниках исследования большинство опрошенных выразили мнение, что в их регионе приезжие составля-

³ Использованы данные социологического исследования, проведенного в 2013 году при участии авторов в четырех приграничных регионах России (Алтайском крае, Республике Бурятия, Забайкальском крае и Омской области). Исследование предполагало изучение общественного мнения населения данных регионов методом анкетного опроса n=1600 и опроса экспертов методом полуструктурированного интервью n = 80.

Таблица 4.1. Субъективная оценка доли мигрантов в структуре населения региона, %

	Большинство населения	Половина населения	Меньшинство населения	Нет таких групп населения	Другое
Алтайский край	3,54	19,56	70,66	5,06	1,18
Республика Бурятия	3,98	17,91	59,70	16,42	1,99
Забайкальский край	8,53	29,77	54,52	5,52	1,67
Омская область	14,29	24,96	55,59	3,10	2,07

ют меньшую долю населения по сравнению с коренными жителями. Вместе с тем, были выявлены достоверные межрегиональные различия в субъективной оценке количества трудовых мигрантов.

Так, наиболее часто давали ответы «большинство населения» и «половина населения» жители Омской области и Забайкальского края (14% и 8,5% ответов соответственно), тогда как в Алтайском крае и республике Бурятия доля таких ответов не превышала 4% (уровень значимости различий по критерию хи-квадрат — 0,0001). Жители Бурятии гораздо чаще других опрошенных отвечали, что в их местности приезжих нет (16%, в других регионах было не более 5% таких ответов). В сравнении с респондентами из остальных регионов, опрошенные в Алтайском крае существенно чаще утверждали, что в их местности численность коренного населения превышает количество приезжих (70,6%; таблица 1).

Действительно, Алтайский край и республика Бурятия в силу ряда экономических причин (уровень заработной платы, уровень безработицы и др.) являются менее привлекательными для мигрантов регионами, нежели Омская область и Забайкальский край. В данном случае можно говорить о том, что субъективная оценка миграционной ситуации, данная респондентами, достаточно точно отражает объективные изменения структуры населения, связанные с миграцией.

Выявлено, что возраст респондента оказывает влияние на субъективную оценку

количества мигрантов в данной конкретной местности.

Низкие («меньшинство») оценки численности приезжих характерны, прежде всего, для молодежи. Среди всех опрошенных в возрасте от 15 до 29 лет лишь от 7 до 15% посчитали мигрантов «большинством» в структуре локального социума. В свою очередь, в выборке 30–49-летних этот показатель варьировал уже в пределах от 8% (Бурятия) до 55% (Омская область), а в возрастной группе от 50 лет — от 9 до 40. Возможно, это обусловлено с тем, что молодежь еще не столкнулась в полной мере с реалиями рынка труда, ею накоплен не такой большой опыт выживания в условиях рыночной экономики, как у старшего поколения, еще не исчерпан кредит социального доверия. «Низкие» оценки молодежью количества мигрантов также могут быть связаны с неполной включенностью школьников и студентов в реальную систему трудовых отношений.

В числе региональных различий можно отметить, что молодежь Алтайского края и Республики Бурятия чаще давали низкие оценки численности мигрантов в структуре населения, чем жители других регионов, а молодежь Забайкальского края и Омской области — высокие (уровень значимости различий — 0,0001; рисунок 1).

В подвыборке 30–49-летних количество ответов о том, что мигранты составляют «половину» и «меньшинство населения» было практически одинаковым. В целом можно говорить о меньшей согласованно-

Внутренний контур национальной безопасности

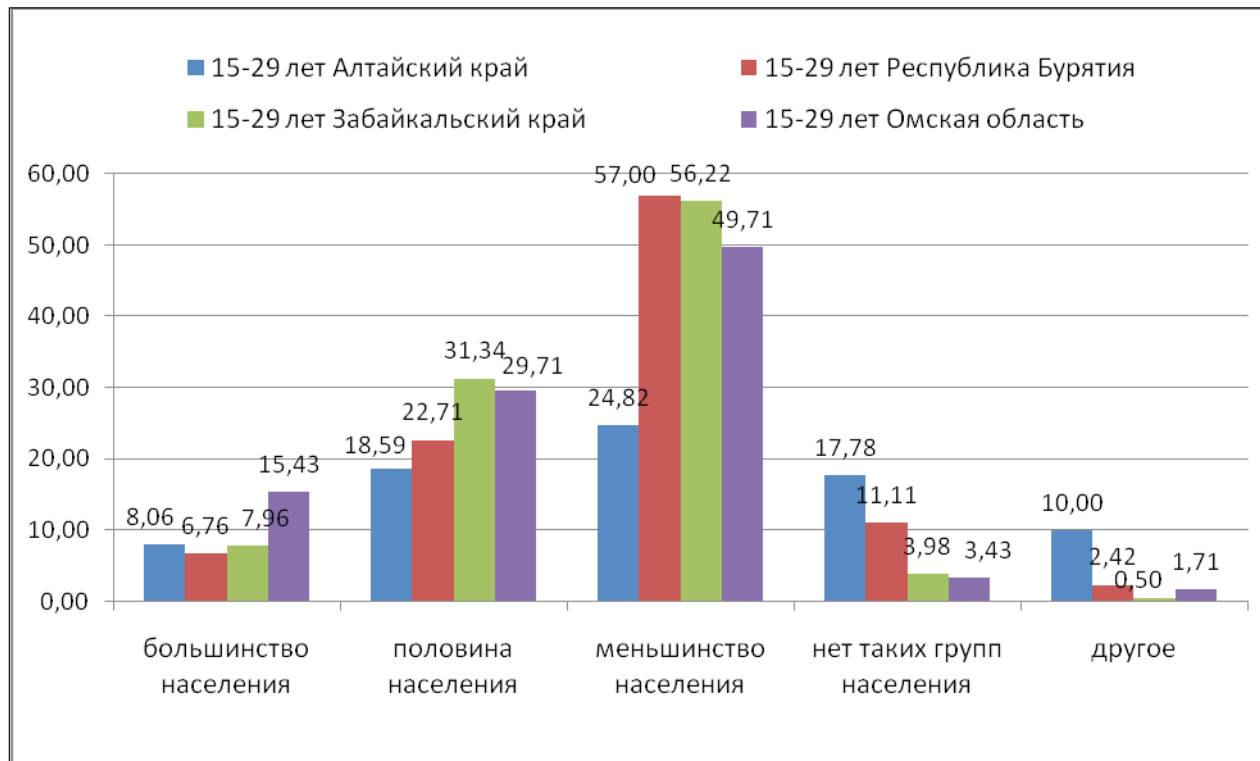

Рис. 1. Оценки численности мигрантов в структуре населения респондентами в возрасте 15–29 лет, %

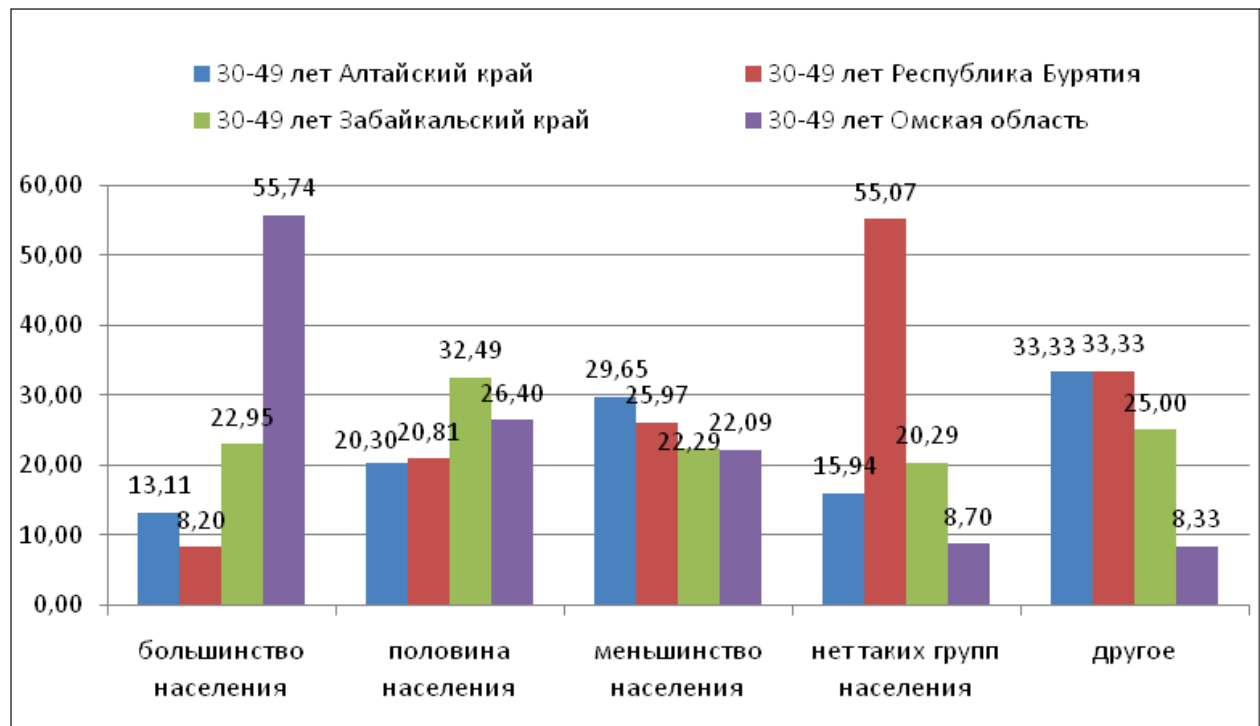

Рис. 2. Оценки численности мигрантов в структуре населения респондентами в возрасте 30–49 лет, %

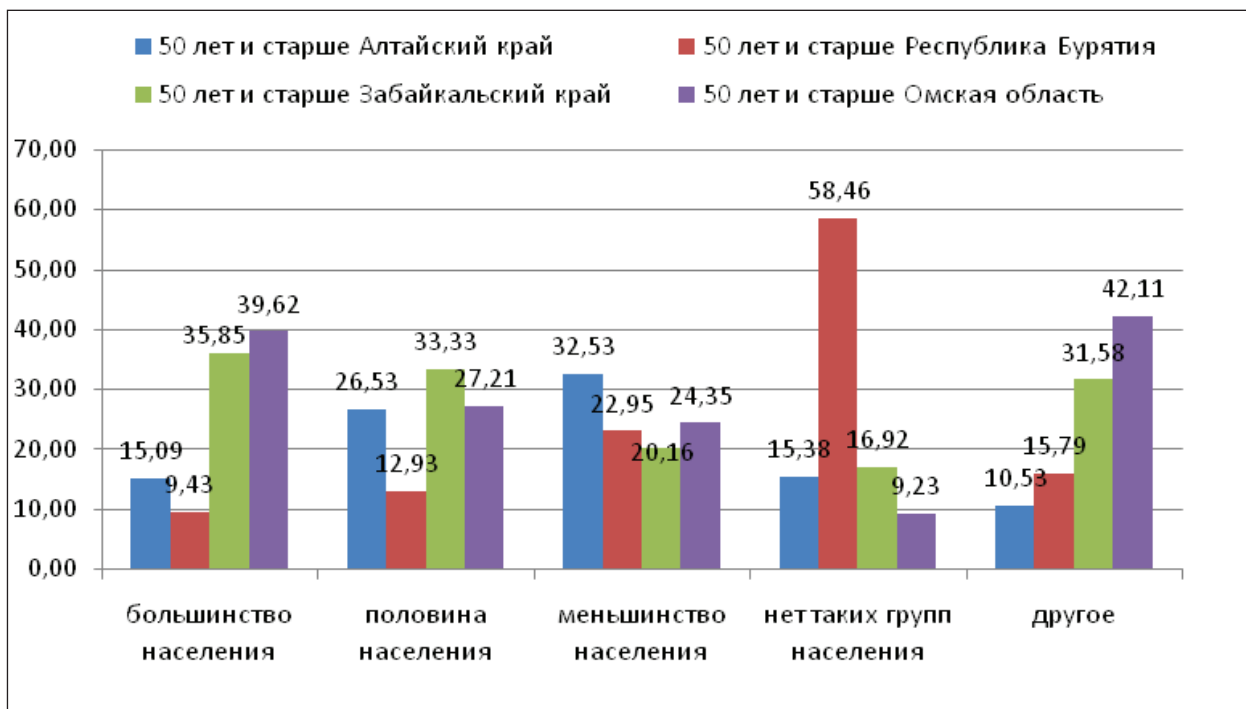

Рис. 3. Оценки численности мигрантов в структуре населения респондентами в возрасте от 50 лет, %

сти ответов в данной возрастной группе. Региональные различия особенно ярко проявились в выборе «крайних» мнений. Так, жители Омской области достоверно гораздо чаще других участников опроса отмечали, что мигранты в их местности составляют большинство населения, это мнение выразили 56% опрошенных омичей указанного возраста. Минимальное количество подобных ответов было получено в Республике Бурятия (рисунок 2).

В свою очередь, респонденты из Бурятии существенно чаще жителей других регионов говорили о том, что в их местности мигрантов нет (55% от всех выбравших данный вариант ответа).

Мнения респондентов в возрасте от 50 лет также оказались дифференцированными. В трех регионах исследования — Алтайском крае, Забайкальском крае, Омской области — считали мигрантов большей, меньшей долей населения или его половиной статистически

равные группы респондентов старшего возраста. Лишь в Бурятии наблюдаются статистически достоверные различия в выборе того или иного ответа респондентами в возрасте за 50 лет. Эта категория участников опроса существенно чаще выбирала формулировку, согласно которой мигранты в их местности не проживают (58%), нежели другие варианты ответа (рисунок 3). Возможно, это связано с тем, что небольшие населенные пункты, в структуре населения которых преобладают лица старших возрастов, менее привлекательны для мигрантов, чем крупные поселки и города, где молодежи проживает больше.

Межрегиональное сравнение данных показывает, что представители старшего поколения, опрошенные в Республике Бурятия, были в большей степени склонны давать низкие оценки численности мигрантов, а респонденты из Забайкальского края и Омской области — высокие (уровень значимости различий по критерию хи-квадрат — 0,0001).

Обусловленные возрастом различия в ответах жителей одного региона были зафиксированы лишь в Бурятии, где молодежь давала более высокие оценки количества приезжих, а респонденты старших возрастов — более низкие (значимость различий на уровне 0,005 по критерию хи-квадрат).

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, много ли в Вашей местности мигрантов (приезжих) из других стран и регионов?», данные респондентами в свободной форме, могут быть подразделены на два типа: отказ от оценки в силу отсутствия необходимой информации («не знаю», «затрудняюсь ответить») и указания на рост числа мигрантов, их значительную численность («в последнее время много», «становится все больше», «точно не знаю, сколько, но много»). Из-за небольшого количества данных ответов говорить о какой-либо региональной специфике представляется невозможным.

Итак, большинство опрошенных во всех регионах, охваченных исследованием, выразили мнение, что мигранты составляют меньшинство среди населения их региона. Тем не менее, респонденты в Забайкальском крае и Омской области чаще других участников опроса оценивали численность приезжих как высокую — составляющую половину или даже большинство населения в месте их проживания. Эта тенденция согласуется с объективно большей привлекательностью данных регионов для трудовых мигрантов.

Структура ответов мужчин и женщин на вопрос о количестве мигрантов среди местного населения идентична данным по выборке в целом. Однако выбор некоторых вариантов ответов оказался гендерно-обусловленным в ряде регионов. В Алтайском крае мужчины преобладали среди оценивавших число приезжих как низкое, а женщины — среди считавших, что мигранты

составляют половину населения в их местности. В Республике Бурятия мужчины чаще давали высокие или низкие оценки численности мигрантов, а женщины — «средние».

В целом молодежь давала более низкие оценки численности мигрантов, нежели представители старших возрастов. Исключением явились лишь данные исследования по Республике Бурятия, где молодежь достоверно чаще респондентов в возрасте от 30 лет выбирала ответы, согласно которым мигранты составляют «большинство» или «половину» местного населения. Напротив, лица в возрасте 30–49 лет и от 50 лет преимущественно говорили об отсутствии приезжих в месте их проживания. В трех других регионах представители старших поколений продемонстрировали значительное различие мнений. Считали мигрантов большинством в структуре местного населения прежде всего 30–49-летние жители Омской области, а также респонденты в возрасте от 50 лет в Омской области и Забайкальском крае.

На основании этих данных можно предположить, что наиболее проблематичным решением вопроса демографической безопасности за счет привлечения мигрантов является в Омской области и Забайкальском крае.

Далее представим результаты экспертных оценок роли миграционных процессов и самих мигрантов в жизни обследуемых регионов, и состоянии рынка труда, в частности¹.

¹ Данные представлены в следующем виде: XX.YY.000, стр.0, где XX — буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ — законодательная власть (n=4), ИВ — исполнительная власть (n=4), ОО — общественная организация (n=4), НП — научно-педагогическая общественность (n=4), МС — органы местного самоуправления (n=4), УУ — код региона, в котором проживает эксперт (22 — Алтайский край, 03 — Республика Бурятия, 75 — Забайкальский край, 55 — Омская область), 000 — порядковый номер интервью в пределах региона (001, 002, ..., 020).

Оценивая роль миграционных процессов и самих мигрантов в общественной, социально-экономической, политической жизни региона, в сфере общественной безопасности, эксперты пришли к выводу, что в разных сферах влияния эта роль может быть как положительной, так и отрицательной.

• **в экономической сфере:** По мнению экспертов, положительный эффект миграции для экономики региона зависит от того, какой контингент приезжает. Если это люди образованные, имеющие профессии, то они могут задать оживление в экономике. Еще одну положительную роль миграции эксперты видят в документированной занятости мигрантов, результатом которой является дополнительная прибыль для региона в виде налогов. *«Если это недокументированная занятость, если это нелегальная занятость, естественно, здесь один ущерб экономике региона, т.е. переход их в теневой, черный сектор экономики, неуплата налогов»* (ИБ22.001, с. 16–17). Выявлено, что *«многие мигранты начинают заниматься собственным бизнесом в регионе вселения»* (ЗВ22.002, с. 21), составляют конкуренцию местным жителям. Эксперты отмечают в этом плане также, что *«сами вот эти условия, в том числе и коррупция, и форма ведения бизнеса, широкое использование теневых форм в бизнесе, это всё создает предпосылки для нарушения нашего законодательства, в том числе мигрантами»* (ИБ22.002, с. 22–23). При этом, *«экономике нужна дешевая рабочая сила, и в этом плане миграция способствует этому»* (НП22.002, с. 9–10). И это не просто необходимость, как считают эксперты, мигранты *«закрывают брешь в трудовом секторе, ту брешь, которая остается открытой из-за того, что местные жители не хотят заниматься неквалифицированным трудом, получать низкую зарплату, а поскольку кто-то вообще должен работать, то, безусловно, это положительно»* (НП03.002, с. 6).

• **в политической сфере:** В сфере политики серьезного влияния миграции пока не заметно, в частности: *«для Алтайского края пока об этом говорить рано. Серьезного притока, особенно из Китая или Монголии пока не ощущается, соответственно, в политическом плане больших проблем мы не испытываем»* (ЗВ22.003, с. 25–27). Более того, участие в политической жизни существующих в том или ином регионе диаспор расценивается экспертами довольно положительно (ЗВ75.001, с. 12–13). Но в то же время отмечается негативная роль «политики кумовства», взяточничества во взаимодействии мигрантов с чиновниками. Как отмечают эксперты, ничего отрицательного в самой миграции нет. Главное — четко ее регулировать. А в настоящее время, по мнению экспертов, эта сфера *«очень коррумпированная, и конечно создает угрозу безопасности»* (НП55.020, с. 18–19).

С другой стороны, эксперты отмечают отсутствие политики добрососедства и сотрудничества с мигрантами. В этой связи востребована экспертами всех обследуемых регионов необходимость каких-то дополнительных мер законодательного регулирования миграционных потоков — квот на рабочие места, *«контроля миграционного поведения населения и миграционного контроля в целом»*, *«нужны меры по совершенствованию миграционной политики»* (ИБ22.001, с. 16–17). Более того, часть экспертов отмечает и необходимость государственного регулирования процессов адаптации мигрантов: *«социально-культурная адаптация, безусловно, должна находиться под контролем государства»*. (ИБ75.006, с. 12–13).

• **в сфере труда:** миграционные процессы часто способствуют демпингу труда. Чаще всего это касается именно нелегальной трудовой миграции, которая естественно оказывает отрицательное влияние и на экономику

региона: *«большое количество мигрантов из других регионов, республик, стран может негативно повлиять на развитие региона тем, что мигранты, как правило, занимают часть трудовых мест, на которых могло бы работать коренное население, причем за более низкую заработную плату»* (ОО75.016, с. 8–9).

В качестве положительной роли миграции экспертами отмечена *«возможность мигрантов, особенно низкой квалификации, занимать неквалифицированные рабочие места, где требуется тяжелый, низкооплачиваемый труд»* (ИБ22.001, с. 16–17). Эту нишу, по мнению экспертов, заполняют именно мигранты, поскольку она не востребована местными жителями. Поэтому «в борьбе» за эти рабочие места мигранты не создают конкуренции местному населению: *«наши не горят желанием выходить работать дворником, собирать мусор, эта работа им кажется «не для нас», поэтому ряд функций выполняют мигранты и это очень хорошо»* (ОО22.002, с. 11–12). Вместе с тем, зачастую развивается зависимость региона от иностранной рабочей силы, что вынуждает *«смягчать правила для этих мигрантов»* (МС75.010, с. 11–12).

• **в сфере общественной безопасности и безопасности жизни в регионе:** по мнению экспертов, миграция представляет угрозу безопасности региона, если превышена определенная критическая масса. Если низкий миграционный поток, умеренный, то в принципе, она угрозы как таковой не представляет. И, безусловно, неконтролируемые миграционные потоки представляют опасность региону, в первую очередь, это те миграционные потоки, которые имеют отношение к какому-то преступному миру или же близкие к тому. Как отмечает один из экспертов, *«мигранты, если это рабочие, увеличивают уровень преступности»*

(ОО03.007, с. 5). В то же время, отмечено и противоположное мнение: многие неработающие мигранты увеличивают уровень преступности — они *«не хотят работать, а ходят по улицам и торгуют краденными телефонами»* (ИБ75.007, с. 10–11).

Эксперты отметили некоторые отрицательные моменты в данной сфере, связанные с различием культуры и языка: *«люди приезжают разные, с различными установками, зачастую не знакомые с русским языком, не знакомые с русской культурой, с особенностями русского быта, и не каждый из них имеет желание со всем этим познакомиться. Соответственно, это определенная угроза общественной безопасности»* (ИБ22.001, с. 16–17). Массовые миграционные потоки могут представлять опасность для населения, *«когда их уже собирается группа большим числом, естественно, они начинают там свои порядки устанавливать, вести себя вольготно»* (ЗВ22.001, с. 14), когда *«они воспроизводят свою культуру, свои особенности, свои традиции, которые могут идти в разрез с установленными правилами и нормами того общества, куда они приехали»* (ЗВ03.017, с. 9). Зачастую, именно компактность проживания мигрантов и приводит к бытовым конфликтам, по мнению экспертов.

Однако почти все эксперты были единодушны во мнении, что преступления чаще совершаются именно местными жителями, а не мигрантами, более того, *«у преступности нет национальности»* (ОО22.003, с. 9–10). Вместе с тем, выявлено мнение, что миграция способствует росту преступности, и *«это однозначный совершенно процесс, он действует во всех странах, не только в России»* (НП22.004, с. 11–1).

Люди, которые испытывают сложности интеграции в общество из-за языковых, культурных, бытовых барьеров, естественно

имеют тенденцию консолидироваться для того, «чтобы хоть какую-то целостность ощущать с тем местом, на котором ты находишься и это, естественно, воспринимается как потенциальная угроза местным населением» (ИБ22.001, с. 16–17).

Угрозу общественной безопасности в регионе эксперты видят и в религиозных устоях мигрантов, «мусульманство не сможет притереться с христианством, и это реальная угроза, существует такое понятие как мусульманский терроризм» (МС22.003, с. 16).

Хотя, по мнению некоторых экспертов, в Алтайском крае «миграция не влияет на общественную безопасность колоссально, как в центральной части России» (ЗВ22.003, с. 25–27). В крае очень хорошо развито «чувство братства к таджикам, к узбекам, которые ведут себя адекватно» (ЗВ22.003, с. 25–27). В целом, «каких-то вспышек расовой дискриминации, ненависти не наблюдается. Все живут дружно и работают» (ИБ75.007, с. 10–11). В то же время, как говорят эксперты, «не мигранты усугубляют ситуацию с общественной безопасностью, а отсутствие политики добрососедства и сотрудничества с этими мигрантами» (ЗВ22.004, с. 13–14).

Выделен экспертами и такой аспект миграционной угрозы безопасности жизни в регионе, как «инфекционные заболевания, которые могут привести мигранты из теплых стран» (ИБ22.004, с. 14–15).

Еще один отрицательный момент, приносимый мигрантами в сферу общественной безопасности,— это «контрабанда ввоза наркотиков» (ОО22.002, с. 11–12). Как отмечают эксперты, эта ситуация довольно распространенная, о чем свидетельствуют новостные передачи в СМИ.

• **в демографической сфере:** несколько увеличилась степень этнической концентрации армян, азербайджанцев, узбеков

и таджиков, «за счет миграции край хотя бы частично, но компенсирует миграционные потери в обмене с другими регионами России — это положительный момент» (ИБ22.002, с. 22–23). В целом во многих регионах иммиграция оказывает положительное влияние на демографическую ситуацию: «за последние годы прирост населения произошел за счет мигрантов из республик Средней Азии, там очень много многодетных семей» (ИБ75.007, с. 10–11). Если мигранты приезжают семьями, то это, как правило, трудоспособное население. А если говорить о женщинах, то это население фертильного возраста. Соответственно, это будет способствовать приросту населения, как считают эксперты. С другой стороны, если речь идет об эмиграции, то происходит снижение численности населения, которое не всегда восполняется за счет приезжих.

Отмечается экспертами и положительная роль смешанных браков: «метисы, как правило, получают очень красивыми и здоровыми людьми, то есть, чем больше смешивается кровь, тем меньше происходит генетическое вырождение» (ОО75.016, с. 8–9).

• **в сфере культуры:** по мнению экспертов, у миграции есть положительные стороны, прежде всего, за счет нее происходит передача культурного опыта: «тот обычай, который они несут — уважение к пожилым людям, уважение к молодежи, подрастающему поколению» (МС22.003, с. 16). Эксперты советуют местным жителям поучиться этим ценностям у мигрантов. Более того, всегда полезен культурный обмен, взаимное обогащение культур, мигранты «привносят в культуру региона свою культуру, обычаи, традиции, это тоже полезно» (ИБ03.009, с. 5–6). Проживая здесь, мигранты организуют свои диаспоры, свою культуру, происходит проникновение культур, происходит

общение. Во многих регионах есть центры, через которые население познает культуру мигрантов, их религию, их убеждения. Это, безусловно, плюс.

Экспертами Забайкальского края, напротив, отмечено негативное влияние миграции в сфере культуры. Это связано, прежде всего, с тем, что культура мигрантов — это *«другая культура, и культура не самого высокого уровня. Потому что ценз мигрантов — это, в общем-то, бедные слои населения, образование у которых невысокое, религия другая. Они, конечно, активные, молодые, но неграмотные»* (ЗВ75.003, с. 5). Высококвалифицированные специалисты, по мнению экспертов, также приезжают в регион, но и доля настолько мала, что их положительное влияние практически незаметно.

• **в социальной сфере:** официальная миграция приводит к увеличению нагрузки на сферу образования, дошкольного воспитания, здравоохранения, социальной защиты. Связано это с тем, что мигранты, как пра-

вило, приезжают *«не единицами, а десятками-сотнями. Они граждане другой страны, другой культуры, а это уже вопрос социальной адаптации на новом месте»* (ИВ75.006, с. 12–13).

Таким образом, миграция оказывает влияние практически на все сферы общественной жизни, причем различное. Наибольшее влияние миграционные процессы оказывают на экономику и сферу труда, общественную безопасность, демографию и культуру. В экономической сфере положительная роль официальной миграции заключается в обеспечении трудового сектора обследуемых регионов рабочей силой, перераспределении трудовых ресурсов между трудоизбыточными и трудодефицитными регионами, привлечении высококвалифицированных специалистов. Отрицательная роль принадлежит чаще всего нерегистрируемой миграции и выражается в развитии неформальной занятости, нарушениях трудового законодательства, появлении теневых форм экономики, невыплате налогов, демпингу труда.

Библиография

1. Оганесян А. Глава ФМС: без мигрантов трудоспособное население России сократится на 10 миллионов // URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/03/22/focus/562949983324821> (дата обращения 06.10.2013)
2. Коэффициент прогнозируемой демографической нагрузки (данные Федеральной службы статистики) // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn4.htm (дата обращения 06.10.2013)
3. Волох В. А. Миграционная политика: реадмиссия — эффективный инструмент противодействия нелегальной миграции // NB: Национальная безопасность.— 2012.— 1.— С. 255–270. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.106. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_106.html
4. Волох В. А., Володин Е. В. Новое в законодательстве о трудовой миграции: плюсы и минусы // NB: Вопросы права и политики.— 2013.— 10.— С. 93–103. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9793.html
5. Волох В. А., Суворова В. А. Концепция государственной миграционной политики России — основа миграционной безопасности страны // NB: Национальная безопасность.— 2013.— 3.— С. 1–16. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html

References (transliterated)

1. Oganesyanyan A. Glava FMS: bez migrantov trudosposobnoe naselenie Rossii sokratitsya na 10 millionov // URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/03/22/focus/562949983324821> (data obrashcheniya 06.10.2013)
2. Koeffitsient prognoziruemoi demograficheskoi nagruzki (dannye Federal'noi sluzhby statistiki) // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn4.htm (data obrashcheniya 06.10.2013)
3. Volokh V. A. Migratsionnaya politika: readmissiya — effektivnyi instrument protivodeistviya nelegal'noi migratsii // NB: Natsional'naya bezopasnost».— 2012.— 1.— С. 255–270. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.106. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_106.html
4. Volokh V. A., Volodin E. V. Novoe v zakonodatel'stve o trudovoi migratsii: plyusy i minusy // NB: Voprosy prava i politiki.— 2013.— 10.— С. 93–103. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9793.html
5. Volokh V. A., Suvorova V. A. Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossii — osnova migratsionnoi bezopasnosti strany // NB: Natsional'naya bezopasnost».— 2013.— 3.— С. 1–16. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html